

3) контагиозная магия – вера в то, что вещи, которые некогда соприкасались между собой, сохраняют связь и на расстоянии. Напр., в белорусской сказке «Шкляныя горы», чтобы позвать волшебного волка-помощника, герой должен поджечь клочок его шерсти. В китайской сказке «Девушка-павлин» героиня носила на шее драгоценный камень, а впоследствии в нём можно увидеть на расстоянии, где она и что с ней происходит.

Кроме фетишизма и магии, можно заметить, что некоторые образы магических предметов в волшебных сказках явно связаны с тотемизмом. Тотемизм – вера в наличие кровной родственной связи между определённым человеком, родом, племенем и определённым видом животного. Считалось, что животные-тотемы в силу статуса кровных родственников могут помогать людям или передавать им свои свойства. Сравним это с данными сказок: в белорусских сказках звериное молоко придаёт выпившему его человеку здоровье тех животных, которым он принадлежало («Хорткі» и др.). В китайской сказке «Как собака с кошкой враждовать стали» змея, в благодарность за спасение, дарит бедному старику собственный хвост, из которого можно добывать монеты.

Образы магических предметов в волшебных сказках разных народов всегда связаны с мифологией. Они, как правило, имеют черты фетишей: используются героями, оказывают на их жизнь положительное влияние, соотносятся с разнообразными реальными предметами и выполняют различные функции. Эти функции и особенности их реализации могут быть связаны с различными видами магии. Через некоторые образы проявляются также тотемистические верования. Взаимосвязь образов магических предметов с различными типами мифологических представлений – один из важнейших параметров сходства волшебных сказок различных народов мира между собой.

Список использованных источников

- 1 Ежов, В. В. Мифы древнего Китая / В. В. Ежов / предисл. и коммент. И. О. Родина. – М. : ООО “Изд-во Астрель”, ООО “Изд-во АСТ”, 2004. – 496 с.
- 2 Кабашнікаў, К. П. Чарадзейныя казкі / К. П. Кабашнікаў // Народная проза / К. П. Кабашнікаў, А. С. Фядосік, А. В. Цітавец / навук. рэд. А. С. Ліс / серыя “Беларускі фальклор : жанры, віды, паэтыка”. – Мінск : Бел. навука, 2002. – Кн. 4. – С. 166–283.
- 3 Китайские сказки. – Минск : Современный литератор, 2002. – 128 с.
- 4 Сказки народов Азии / Сост. Л. Н. Антоненя. – Минск : МП «Митко», 1993. – 508 с.
- 5 Фрэзер, Д. Д. Золотая ветвь : Исследование магии и религии / Д. Д. Фрэзер // пер. с англ. М. К. Рыклина / ред., послесл. и коммент. С. А. Токарева. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 703 с.
- 6 Чарадзейныя казкі : у 2 ч. / рэд. В. К. Бандарчык / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Беларус. нар. творчасць. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – Ч. 1. – 648 с.
- 7 Чарадзейныя казкі : у 2 ч. / рэд. В. К. Бандарчык / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Беларус. нар. творчасць. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – Ч. 2. – 696 с.

УДК 398.21(=581):398.21(4):7.046.1

Т. И. Шамякина

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КИТАЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ СКАЗОК

Путем поиска типологических параллелей мотивов и сюжетов китайских и европейских сказок вычленяется их мифологическая основа и, таким образом, определяется генезис конкретных фольклорных произведений.

Сказки любого народа воплощают в себе идеал прекрасного, представления о добре и зле, нравственные ценности. Корпус сказок той или иной страны в наибольшей степени характеризует эту страну, но не в смысле конкретных географических и исторических реалий, а в смысле представлений строанообразующего этноса о высшей справедливости и наилучшем устройении общества. То есть сказка, прежде всего, – народная мечта. Тем не менее исследователей фольклора не оставляет стремление понять онтологические истоки сказочно-го творчества, определить генезис конкретных сюжетов. Такого рода анализ имеет смысл вести на основе типологического сравнения сказок разных народов. В данном случае предмет статьи – сказки китайские и европейские. Широкий охват обусловлен древностью сказок, поскольку чем шире масштаб рассмотрения, тем вернее возможность найти в образах и ситуациях некую изначальную основу.

Вообще же поиск прошлого единства – языкового либо мифологически-магического – может сыграть самую положительную роль в формировании современного гуманистического мировоззрения, укреплении доверия и дружбы между народами разных, часто очень далеких друг от друга, регионов.

Китайские сказки не раз переводились на русский язык и многократно издавались. Причем в сборники включались преимущественно те произведения, которые в наибольшей степени демонстрируют уникальность, неповторимость, оригинальность фольклорного творчества китайского народа. Тем не менее в отдельных случаях замечаются черты сходства некоторых китайских сказок с европейскими. Иногда это сходство поразительное.

Так, сюжет сказки «Властелин гранатового дерева» следующий. В сад бедняка Амтака повадился лис, который уничтожал урожай. Крестьянину удалось поймать лиса, и за свободу тот обещал человеку служить. Причем служба распространялась так далеко, что хитрый лис добыл хозяину имущество и жену-принцессу, обманывая короля относительно огромного богатства и влияния Амтака. Напр., лис предложил крестьянину раздеться и войти в реку, а королю сообщил, что быстрое течение реки якобы смыло сорок верблюдов, на которых везли подарки монарху от их господина, сам же он чуть не утонул. Король приказал принести Амтаку богатые одежды, а затем последовала и женитьба бедняка на принцессе. И далее лис не допускал возможности разоблачить хозяина, продолжая усиленно работать на его имидж богача.

Фабула удивительным образом напоминает одну из самых известных сказок европейцев, записанную братьями Гримм, – «Кот в сапогах». Только в европейских вариантах наверняка хитрое и мудрое животное – домашнее, доставшееся герою в наследство, и по этой причине мотивация его поступков, искреннее желание помочь хозяину более понятны, чем в сказке китайской. Кроме того, кот вообще действует в немалом количестве сказок о животных, в том числе сказок белорусских и русских. В этих произведениях практически всегда кот умен, хитер, изворотлив, побеждает недоброжелателей в любых ситуациях.

То есть можно предположить, что одомашненный кот в европейском регионе заменил собою лиса – традиционного фольклорного, наиболее популярного персонажа народов Востока – китайцев, корейцев, японцев. С этой точки зрения получается, что европейские сказки возникли позднее, чем восточные, после широкого распространения домашних кошек в быту (это произошло, по официальным сведениям, где-то в VIII в. н. э.), а сюжет, возможно, принесен в Европу восточными торговцами по Великому Шелковому Пути.

Однако не все так просто. Ведь и в европейских сказках, в частности славянских, лиса также – самый популярный из животного мира персонаж. Кот же по значимости – на втором месте. Молодая белорусская исследовательница С. В. Шамякина, рассуждая о причинах широкого бытования сказок с этими действующими лицами, предполагает, что на определенном этапе кот заменил собою тотем некоторых племен – рысь [3, с. 536]. И сегодня рысь – совсем не редкость в белорусских лесах. Продолжая эту мысль, можно утверждать, что кошачьи – лев, рысь, леопард, видимо, наиболее широко распространенные тотемы у индоевропейских народов. Впрочем, и у индейцев Америки ягуар, пума – главные тотемы. Их значимость настолько велика, что столица древних инков город Куско спланирован в виде огромной фигуры пумы.

Таким образом, представители семейства кошачьих явно имели не меньшее значение, чем лиса. Хотя сказок о лисе сохранилось больше. Причины этого неясны. Возможно, дело всего лишь в количественном факторе: лисы в лесах распространены все же шире, чем разные виды кошек, тем более если учесть и северных песцов, близких по физиологии к лисам.

Вообще же лиса и кот не только умны, но и по характерам несколько схожи – игривы, задорны, что могло оказаться немаловажным в том случае, если сказки о животных использовались в целях дидактически-образовательных – учили детей поискам выходов из самых разных жизненных ситуаций.

Вывод относительно данных сказок следующий: скорее всего, здесь вряд ли имело место заимствование, а сказки «Кот в сапогах» и «Властелин гранатового дерева» созданы на основе общего, чрезвычайно древнего источника, в котором речь шла не о богатстве и статусе, а о женитьбе с задействованными в ритуале тотемными животными.

Многие китайские сказки включают отдельные эпизоды, знакомые по европейским сказкам. Так, в чрезвычайно сложно сюжетно разработанной сказке «Девушка-павлин» бог вод в виде черной рыбы, попавший в сети, был освобожден героем, за что последний получил большие возможности в реализации своих желаний.

Рыба в фольклоре – более редкий персонаж по сравнению, скажем, с птицей, но тем не менее в мировой мифологии встречаются чрезвычайно интересные образы рыб и морских существ. Так, бог-рыба в индийской мифологии спасает первочеловека Ману, аналога Ноя, во время всемирного потопа. Бог в виде человека-рыбы Оаннес в шумерской мифологии дал людям все культурные блага, обучил сельскому хозяйству, ремеслам, строительству, астрономии. В европейских сказках рыба (то ли золотая, видимо, карп, то ли щука) исполняет желания того, кто дарует ей свободу. Присутствие такого же персонажа в сказке «Девушка-павлин» указывает на происхождение сказки из мифа о первопредке – культурном герое, где как раз рыба, вернее, бог-рыба, и является первопредком.

В этой же сказке девушка-павлин, купаясь в озере, сбрасывает, как и ее сестры, на берегу перья. Мотив девушек-уточек, девушек-лебедей чрезвычайно распространен в славянских сказках и восходит не столько к тотемизму, как полагают исследователи, сколько к космологическим мифам, в которых создателями мира выступают водоплавающие птицы – утка, селезень, гагара, гусь.

Причем философский смысл китайской и подобных ей славянских сказок состоит, как нам кажется, в утверждении идеи о сложности взаимной любви и соединения в семейном союзе представителей разных миров. Хотя это как раз то, что в тотемистических мифах представлялось реальным. Впрочем, такое соединение остается желанным и на ином этапе развития сознания. Поскольку девушка-павлин, или девушка-уточка, или царевна-лягушка – это и есть представители иного мира, различным антагонистам главных героев (в китайской сказке – злому министру) оказывается легко обвинить героиню в колдовстве. Мотив наговора на царицу использует и А. С. Пушкин в известнейшей «Сказке о царе Салтане».

Сказок об оклеветанных или по иной драматической причине покинувших своих мужей необыкновенных героинях достаточно много как на востоке, так и на западе Евразии. Сюжет об их исчезновении и поиске – один из самых архетипических. Как известно, чаще всего исследователи видят в данном сюжете календарный исток: героиня (скажем, Персефона в греческом мифе) воплощает собой уходящее лето. Правда, в немалом числе мифологических систем встречается и мужская ипостась летнего божества – Осирис, Думузи, Адонис, Ярило. В этих случаях богов ищут любящие женщины – вспомним сказку «Финист Ясный Сокол». В любом случае это наиболее распространенный сюжет.

Иногда путешественник-человек остается в чудесном царстве, то есть в некоей запретной реальности. Так произошло с Данилой-мастером в уральских сказах Павла Бажова, созданным исключительно по фольклорным источникам. Инфернальная сущность – Хозяйка Медной Горы, олицетворяющая собою наиболее ценимый на Урале малахит, влюбившись в талантливого человека, оставляет его у себя внутри горы, делая при этом несчастным.

Но то же самое случается и с каменотесом Ваном в китайской сказке «Сад нефритовой феи»: по воле своей любимой – феи наиболее ценимого в Китае камня нефрита – он пропадает внутри горы, Обители бессмертных. Союз мужчины с богиней, символизирующей земные недра, – это, как нам видится, воплощение идеи о связи людей с окружающим ландшафтом, нерасторжимом единстве человека и природы.

Еще более сложна философия тибетской сказки «Правитель и маг», а сюжет весьма специфичен – он о маге, способном на мгновение погрузить любого человека в иллюзию, которая не приносит постоянного счастья, а дает лишь временное забытие. Идея произведения восходит к древней философии брахманизма, усвоенной и буддизмом, – о майе-иллюзии, которая и есть мир. Майя «означает, что нечто – реальность – существует, но мы воспринимаем и видим ее неверно, в ложных формах» [2, с. 113]. Эта идея, актуализированная в XX–XXI вв., часто обыгрывалась в американских, европейских и советских кинофильмах-сказках. Но в принципе она не была широко распространена в европейской философии. Однако в упомянутой китайской сказке встречается и другая основополагающая идея – в виде очень древнего и важного образа дерева, «ветви которого с плодами находятся в небесах, а корни – в подземном мире». Это редкий случай прямого изображения в сказке Мирового (Космического) Древа, самой важной мифологемы в развитых мифологиях мира, но выступающей в европейских сказках обычно в виде своих ипостасей: дуба, где сохраняется сундук со смертью Кощея, или чудесной яблони с молодильными плодами.

Таким образом, в китайских сказках мифологическая основа нередко более обнажена, чем в сказках европейских, где она скрыта под многочисленными историческими и культурными наслоениями.

В китайской сказке «Волшебная парча» используется сюжет, известный по очень многим европейским сказкам, – о путешествии героя по просьбе старых родителей за некими волшебными вещами. В славянских сказках это обычно живая вода или молодильные яблоки. В китайской сказке сын отправляется по свету искать парчу с изображением райской страны, вытканной его матерью. Причем его двое старших братьев не выдержали испытания сложной дорогой, соблазнились богатством и отказались от поиска, и лишь младший прошел через все тяготы пути. Кроме этого мотива, есть в сказке персонаж, который роднит китайскую сказку с очень многими славянскими, – лошадь. В принципе лошадь не часто встречается в китайском фольклоре. Но в данном случае без ее помощи, как и в европейских сказках, невозможно преодолеть невообразимые для человека препятствия, напр., огненную гору. Лошадь в данном случае, как и в сказках индоевропейцев, выступает посредником между мирами. А сказка, безусловно, является переосмыслением солярного мифа – чудесная парча в ней символизирует, как представляется, собственно космос, вернее, то измерение, куда попадают души человеческие после смерти.

Любое путешествие в сказке, как доказал Владимир Пропп, – путешествие «на тот свет». В китайских сказках эта основа более явственна, поскольку «в основе китайских духовных учений лежала и лежит не стройная, четко выстроенная религия (или религии) с постулатами и догматами, но особый вид медиумизма – прямого, непосредственного общения с духами» [2, с. 154]. Только мир духов и, соответственно, место, где они обитают, – по-настоящему волновали древних китайцев, что и нашло отражение в сказочном творчестве. То же можно сказать о сказках европейцев. Однако конкретные фактуры сказок разных народов очень различны.

Мифологическая основа в китайских сказках проступает явственнее, чем в сказках европейских, и это помогает вычленить наиболее распространенные мифологемы и в европейском творчестве.

Список использованных источников

1 Индуизм / Авторы-сост. А. А. Грицанов, Т. Г. Румянцева. – Минск : Книжный Дом, 2006. – 384 с.

2 Маслов, А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. – М. : Алетея : Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. – 480 с.

3 Шамякіна, С. В. Казкавая проза / С. В. Шамякіна // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV – пачатку XX ст. Кн. 2. Духоўная культура / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2016. – С. 510–551.

УДК 37.091.3:811.161.1'243:37.091.3:811.161.2'243-057.875(=581)

Ю. А. Шепель

**О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ОБУЧЕНИЮ
КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ И УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ
В ДНЕПРОПЕТРОВСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМЕНИ ОЛЕСЯ ГОНЧАРА**

В статье поднимаются вопросы преподавания русского и украинского языка китайским студентам в ДНУ имени Олесея Гончара. Предлагаются культурологические подходы при построении занятий по изучению лексики, фразеологии и в межкультурной коммуникации.

Технология обучения иностранным языкам в методической науке (по определению ЮНЕСКО) – это системный метод создания, использования и определения всего процесса обучения и усвоения знаний с учетом взаимодействия технических и человеческих ресурсов, целью которого является оптимизация образования. Технологию обучения часто трактуют как область использования системы научных принципов программирования процесса обучения и использования их в учебной практике с ориентацией на детализированные цели обучения, которые предполагают их оценку. Эта область ориентирована в большей степени на студента, а не на предмет обучения, на проверку отработанной практики (методов и техники обучения) в ходе эмпирического анализа и широкого использования аудиовизуальных средств в обучении; определяет практику в тесной связи с теорией обучения. За последние десятилетия система обучения иностранных граждан в Украине претерпела значительные изменения: изменился контингент учащихся (в связи с почти стопроцентной ликвидацией системы госзаказа на образование для иностранцев), изменились условия обучения (обучение осуществляется на контрактной основе), изменилась роль русского языка в образовательной системе (обучение ведется на русском, украинском, в некоторых вузах и на английском языках), изменилось и содержание учебных программ как по специальным предметам, так и по украинскому и русскому языкам.

За последние десятилетия в области методики преподавания русского и украинского языков как иностранных на кафедре перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олесея Гончара была осуществлена большая научно-исследовательская, научно-методическая работа в рамках проблемы «Язык и культура», «Язык и межкультурная коммуникация». Особенно активно решался вопрос культурологической направленности обучения.

Согласно общепринятому мнению, семантический корпус любого языка представляет собой наиболее самобытное его явление не только в плане системно-регулярной аномальности, но и в плане выражения национальной самобытности народа (В. Н. Телия). Так, профессор Ю. Ф. Прадид обращает внимание на такие пути отражения национальных особенностей во фразеологии, как: 1) нерасчлененность, комплексность всех элементов, вместе взятых; 2) расчлененность; 3) прототипность, поскольку генетически свободные словосочетания описывают определенные обычаи, традиции культуры, быта и т. д. того или иного народа [1].